

Стокгольмский калейдоскоп

Людмила Колесова

18+

Людмила Колесова
Стокгольмский калейдоскоп

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Колесова Л.

Стокгольмский калейдоскоп / Л. Колесова — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06536-9

Приглашаю в путешествие по современному Стокгольму, как по историческому центру, так и "спальным районам". Попробуем взглянуть из нашего нового застоя на шведский социализм с риксдагом и монархией. Мы почувствуем ритм и пульс современной шведской столицы, познакомимся с теми её особенностями, которые абсолютно не такие, как у нас, попытаемся понять шведский менталитет. Мы совершим экскурсии в историю Швеции, откопав в ней самые любопытные и малоизвестные факты, полные тайн и загадок, познакомимся с не известными у нас выдающимися личностями, творившими шведскую историю. За исключением исторических личностей, все персонажи являются плодом авторской фантазии, любые совпадения случайны.

ISBN 978-5-532-06536-9

© Колесова Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Вступление	5
Любовь с первого взгляда	6
Рождество в Стокгольме	8
Ника	11
Колыбель Стокгольма	15
День удивлений	17
Клад Старого Города	22
Русские секс-бомбы в шведском ресторане	26
Провалившись во времени	28
Рыцарский остров и рыцари	31
Комета по имени Лана	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вступление

Однажды моя подруга, вернувшись из тура по Скандинавии, взхлёб делилась своими впечатлениями. Действительно, не трудно было захлебнуться, ведь ей без конца приходилось повторять один и тот же рефрен: "Не помню, где, но кажется, в Стокгольме... или в Хельсинки, ну, в общем, не важно..."

В Стокгольме бывали многие, но в мимолётных турах одни мало что видели, другие мало что помнят, как моя подруга. Мне же посчастливилось провести в Стокгольме три месяца. У меня было время, возможность и желание изучить этот город, и мои впечатления оказались несопоставимо глубже и шире. Поэтому, без ложной скромности, я решила, мне есть что рассказать об этом городе.

Так что приглашаю желающих окунуться в ауру современного Стокгольма. А чтобы лучше понять современность, заглянем и вглубь веков. Даже не представляете, какие тайны и загадки хранит шведская история и какие нити тянутся в наши дни. Проследим, как тени прошлого наслаиваются на настоящее, а порой омрачают отношения с нашей страной.

Познакомимся с теми, кто творил шведскую историю. У нас они по большей части малоизвестны. Однако остросюжетная литература бледнеет на фоне их невыдуманных приключений и тайн.

Наконец, мы сможем просто подышать балтийским ветром на набережных, полюбоваться достопримечательностями, заглянуть в некоторые музеи и лавочки, посидеть в баре Старого Города.

Прошу читателей, которые уже бывали в Стокгольме, отнестись с пониманием к тому, что вначале придётся прогуляться и по избитым туристическим местам. Как бы ни хотелось быть оригинальной и открывать только новые места и страницы для продвинутых читателей, танцевать полагается от печки, ради тех, кто Стокгольма ещё не видел. Однако я искренне пыталась сделать пробежку по исторической колыбели Стокгольма интересной даже для тех, кто уже в теме: либо заглянуть поглубже, либо откопать что-то малоизвестное, либо... ну, не буду раскрывать все секреты.

Предупреждаю: все персонажи, за исключением исторических личностей, являются плодом авторской фантазии. Любое совпадение с реальными людьми, событиями их жизни или местами проживания является совершенной случайностью. Даже главная героиня – это не совсем я.

Любовь с первого взгляда

Поезд выскочил из туннеля метро и помчался по мосту. В неожиданной вспышке света мелькнул такой вид за окном, что захватило дух. На гранитной горе каскадом высились и громоздились башни терракотового замка. И его воинственно-сказочный силуэт повторялся в стальной глади вод. Видение потрясло и тут же исчезло из виду. За окном замелькал перрон. "Гамла Стан", – услышала я мажорный голос дикторши, что означало "Старый город", и, оторвав взгляд от окна, поспешила к выходу. Сейчас я всё это рассмотрю своими глазами!

Поезд остановился, но двери почему-то не открывались. По российской привычке ожидая подвоха и неприятностей, я уже успела запаниковать у закрытых дверей, в то время как шведы спокойно поднялись с сидений и по стоящему вагону не спеша подтянулись к дверям. Вот тогда-то двери и распахнулись. Позднее мне ещё не раз придётся убедиться, что жизнь потомков викингов с нордическим характером максимально лишена всякого экстрима. Боже упаси, при торможении транспорта вставать и пробираться к дверям. Они успеют это сделать после полной остановки, не рискуя здоровьем.

Стокгольмское метро неглубокое. А эта станция вообще на мосту. Всего несколько ступенек вниз с перрона, затем снова вверх, и вот я на гранитной мостовой Старого Города. Я делаю глубокий вдох. Ах, какой воздух, невозможно надышаться!

Я впервые в центре и одна. Впереди целый свободный день, а в отдалённой перспективе – целых три месяца. Три месяца – будет ли этого достаточно, чтобы залечить мои раны? Чтобы подумать о будущем и решить, как мне жить дальше? И, наконец, чтобы посмотреть Стокгольм. Вот для последнего, пожалуй, трёх месяцев должно хватить. Всё остальное в тумане.

Оглядевшись и увидев тот же замок за проливом, я устремила к набережной. Моему взгляду открылась такая панорама, что снова захватило дух. Высокий холм противоположного берега являл собой красивый хаос из старинных и современных зданий, больших и маленьких, светлых и тёмных. Город-хаос глядел на мир удивлёнными глазами мансардных окон на изломанных крышах, поддерживал низкое небо на своих плечах, утопая в облаках куполами церквей. Он то карабкался вверх по холму, то сбегал вниз к воде брусчаткой причудливо изогнутых улочек. Большие дома нависали над маленькими, маленькие устраивались над большими. И невозможно было найти во всём этом какое-либо присутствие первоначального плана застройки, какой-либо симметрии и упорядоченности.

Постепенно из хаоса стали вырисовываться отдельные здания. Самым замечательным из них по-прежнему казался терракотовый замок в окружении жилых домов. Словно вассалы, эти дома и домики жались к замку снизу и с боков, робко повторяя черты его силуэта. Главную башню замка гордо украшал воинственный купол, напомилавший знаменитый стальной шлем германского канцлера Бисмарка. В похожие шлемы со шпильями, только поменьше, рядились и крыши домов-вассалов. Мощный медный шпиль главного купола безжалостно вонзался в бесцветное небо, вырывая из него седые космы тумана, тотчас же уплывавшие вдаль над озером Меларен.

Я шла по набережной навстречу балтийскому ветру, не в силах оторвать восхищённого взгляда от города за проливом. Пять мостов неслись к нему с обеих сторон от меня и, приближаясь, нестройным веером сходились в узком местечке, перекрещиваясь меж собой в разных плоскостях, как по вертикали, так и по горизонтали.

Там, где заканчивались мосты и начиналась пристань, преобладали здания прошлого века из стекла и бетона. Они глядели сверху вниз огромными глазами-окнами на корабли и кораблики, прогулочные катера и пароходики с чёрными трубами. И сами эти прозрачные здания походили на огромный пассажирский паром "Silja Line", отчаливший от пристани. Их отраже-

ния в воде можно было принять за нижние этажи, и казалось, здания тоже скользили по волнам вслед хрустальному парому со светящимися каютами.

Из отрицания всякой упорядоченности и симметрии здесь родилась своя неповторимая гармония – гармония Слюссена. Так называется этот район на холме за проливом. И сам этот холм, выглядывая то тут, то там своими крутыми гранитными боками, на которые город не смог взгромоздиться, тоже являлся элементом архитектуры. Местами отесанный и облицованный, с гrotами, то ли декоративными, то ли настоящими, он потрясающе вписывался в городской пейзаж. Для меня, равнинной жительницы, видевший гранит лишь в виде сваянных скульптурами памятников, этот природный гранит в таком изобилии был уже достопримечательностью.

Как лучше ознакомиться с незнакомым городом? По старинке бегая за торопливым гидом? Но, как правило, таким образом либо чего-то не разглядишь, либо, разглядывая, чего-то не услышишь. Ведь главная цель большинства гидов – провести экскурсию как можно быстрее. А я, прежде всего, визуал. Но история мне тоже интересна. Так что вариант экскурсии с гидом мне категорически не подходил.

Поэтому, перед тем как отправляться в исторический центр Стокгольма, я "облетела" его при помощи Google Earth, почитала об истории города то, что нашла в Интернете. И решила в свою первую экскурсию просто обойти остров Стадхольмен, на котором расположен Гамла Стан (Старый Город), а под конец посетить Королевский дворец. Разглядывая карту и многочисленные фото, я мнила, что теперь не смогу увидеть чего-то нового и неожиданного.

Как я просчиталась, однако! Я не представляла себе, что значит, обойти этот остров по набережным. Потому что не могла представить, какой потрясающий вид откроется с первой же его набережной. А за каждым поворотом, на новой набережной – новые открытия, новые потрясения. Не успела я повернуться спиной к Слюссену, как передо мной раскинулся другой пролив и вид на другой остров, остров Шепсхольмен с адмиральским замком и пришвартованным парусником. Неважно, что этот романтический корабль служит ночлежкой, причём самой дешёвой в Стокгольме. В тот момент я этого не знала. А дальше-то, насколько глаз хватало – новый остров или острова, или уже материк, не поймёшь. Там центр Стокгольма, это сразу понятно по оживлённому движению, по великолепным зданиям. Но всё это не описать вот так сразу. И не буду забегать вперёд. Я приехала в Старый Город и собиралась начать знакомство именно с него. А виды с набережных – это уже не сам остров, а отдельная песня, точнее, песни, причём очень красивые.

Вот так, с первых мгновений я поняла, что уже влюбилась в Стокгольм, даже не успев его как следует рассмотреть. С первого взгляда.

Рождество в Стокгольме

Сделаем небольшой перерыв, и я расскажу, как оказалась в Стокгольме.

Мы сидели с двоюродным братом Юрой на его просторной ухоженной кухне в добротной сталинке. Ненастным осенним вечером я пришла к нему впервые после развода, разделившего мою жизнь на до и после.

Его жена Тамара, накормив нас ужином, ушла выгуливать йорка Лёлика.

– Слушай, Лора, а к моей Нике в Стокгольм ты бы не хотела съездить? – спросил Юра, после того как наедине обстоятельно расспросил меня о жизни.

– Конечно, хотела бы, но теперь мне не до жиру.

– Я не о том. Дочь с детьми не то чтобы не управляется, но устаёт. Больше морально, как я понимаю. Но Тамара, ты ж её знаешь, больше недели с ней не выдерживает. И Ника думает взять няню. Чтобы было с кем малышку оставить. А самой развеяться хоть иногда.

Фото четырёхмесячной Веселинки дважды дедушка Юра продемонстрировал мне сразу, как только я к нему пришла. Чудесная жизнерадостная малышка, похожая на своего российского деда.

– Но ты же знаешь, с маленькими детьми у меня никакого опыта.

– Не велика наука, – поморщился Юра. – Ника объяснит и покажет. А родной человек, я думаю, всё ж лучше, чем чужая тётка. Посмотришь Стокгольм, развеешься. Что ты тут потеряешь, кроме этой твоей работы, – он покачал головой и многозначительно хмыкнул. – Надо было сразу ко мне обратиться. Ведь ты же классная переводчица, со стажем. У одного моего сотрудника жена в переводческом бюро то ли соучредителем, то ли совладелецей. Ну, не знаю, как правильно сказать. А работа у них есть всегда. Но это, когда вернёшься.

Юра уже решил за меня, что я еду. А я и не возражала. И даже не стала ему объяснять, что на зарплату переводчика теперь не проживёшь. Разве что на доходы соучредителя. Тем более, немецкий язык уже никого не интересует, а с английским у меня масса конкурентов. И сценарии не прокормят, это даже не подработка, а скорее хобби.

Юра работал начальником проектного бюро, всю жизнь занимался неспешной работой и обзавёлся привычкой жить, говорить и думать спокойно, не спеша, но обстоятельно, вникая в детали. За ожирение и букет сопутствующих болезней он был обязан этому своему спокойствию и не в последнюю очередь – сидячей работе. Да и с кем ещё могла бы ужиться его жена со своим взрывным темпераментом.

Вернулась с прогулки Тамара.

– Лора согласна! – доложил ей Юра.

– Я не сомневалась, – буркнула Тамара, раздеваясь в прихожей. – Лентяй твой братик, – продолжила она без перехода. – Купила ему собаку, чтоб он её выгуливал и жир протрясал, а он и это дело на меня свалил.

– Хорошего человека должно быть много, – попыталась я вступить за Юру.

Но Тамара, недослушав меня, грубо рявкнула на Лёлика:

– Марш в ванную, грязнуля!

Вышколенный Лёлик, поджав хвост и повесив нос, покорно засеменил в ванную вперёд хозяйки.

Я распрощалась с Юрой. Мы обнялись в прихожей, я прижалась к его большому и мягкому плечу и чуть не разревелась.

Как хорошо, что у меня есть двоюродный брат! Как хорошо, что я не одинока и могу опереться на его надёжное плечо.

Через месяц после того разговора я уже оформляла визу, и через два месяца отправилась в Стокгольм.

И вот, по воле Вероники, а по-семейному Ники, я в стокгольмском аэропорту Орландо. После моргающей, бормочущей и бьющей по глазам рекламы в Шереметьево его голые стены с чёткими указателями оказались первым приятным впечатлением. Полупустые залы и отсутствие московской суеты даже удивили. А тоже ведь столица!

За окном автобуса такой же снежный пейзаж, как и под Москвой. Но вот замелькали заснеженные скалы с корявыми сосёнками и берёзками, и я ощутила себя, наконец, на скандинавской земле.

Чем дальше от Орландо удалялись мы с Никой, тем меньше встречалось людей. В пригородах ни души. Машины только на автостоянках. Замершие на праздники заводы. На одном заборе по-шведски написано от руки: "За социализмом – будущее". Интересно, что представляет собой шведский социализм, плавно выросший из капитализма без революций и потрясений?

Пригороды незаметно перешли в один большой жилой массив. Скромные домики, домики и домики. Ника называла их виллами. Они выглядели в основном, как наши дачки восьмидесятых годов с ломаными крышами. Надо полагать, на подобной вилле однажды поселилась Пеппи Длинныйчулок.

Вот он, Стокгольм двадцать пятого декабря. Пустые тротуары, пустынно, куда ни глянь, словно после нейтронной бомбы. Изредка проезжает по одной машине и ещё реже, словно летучие голландцы, проплывают пустые автобусы-гармошки. В наших городах, за исключением Москвы, такие монстры давно перевелись. Их заменили юркие газели да тесные пазики.

Выйдя из автобуса, в котором всё же было несколько человек, мы оказались в абсолютно безжизненном городе. По перемене мы тащили за собой чемодан, и его ролики в тишине прямо-таки громыхали по брусчатке, посыпанной битым гранитом.

Из широких окон Никиной квартиры на девятом этаже я пыталась наблюдать за жизнью Стокгольма, но почти никакой жизни так и не увидела ни двадцать пятого декабря, ни двадцать шестого, ни позже. И вдруг в новогоднюю ночь вся панорама, доступная глазу на десятки километров, расцветилась фейерверками. Часов в десять вечера, словно сказочные тролли вылезли из гранитных скал, устроили фейерверки чуть ли не на каждой вилле в течение четырёх часов, и снова спрятались под толщей гранита.

А виллы начинались сразу за Никиным домом и тянулись на север, запад и восток до самых окраин города. Некоторые без причуд украшены скромными жёлтенькими гирляндами. На узеньких улочках, петлявших между виллами из-за неровного скалистого рельефа, тоже не было ни души. Нет, это не Рио-де-Жанейро. Что за деревня? Куда я попала? Где хвалёное скандинавское Рождество?

Жизнь закопошилась ближе к восьмому января. Но это в "спальных" районах.

Как я потом поняла, в Стокгольме вообще многолюдно только в центре, в туристических местах или в торговых кварталах.

Также и в Рождество, в центре, как на другой планете, жизнь била ключом. На украшенных улочках Гамла Стан (Старого Города) толпы туристов из Европы и России. В универсамах не протолкнёшься – началась рождественская распродажа и скидки от тридцати процентов.

Однако праздничная иллюминация весьма и весьма скромная. Рождественского декора, как в голливудских фильмах, нет и в помине, всё намного скромней. Скромность и бережливость – черты шведского национального характера.

Но нет правил без исключений. И это исключение потрясло меня до глубины души. То была красная ковровая дорожка (точнее, суконная) вдоль Дроттнинггатан – улицы Королевы. Как можно было топтать грязными подошвами этот поистине королевский рождественский подарок жителям и гостям города! У меня нога не поднималась на неё ступить. Однако после

недолгих колебаний тоже приобщилась. Вот она, королевская щедрость и роскошь под моими плебейскими ногами!

Ника

Итак, Ника встретила меня в аэропорту. Я не видела её, по крайней мере, лет пять. Тем не менее, узнать её не трудно. Передо мной стоял всё тот же трудный подросток, каким она уехала из России.

– Что у тебя за стрижка! – не удержалась я чуть ли не сразу после объятий.

– У нас так модно, – гордо потрянув ассиметричными прядями, отвечала Ника. – И эти гольфы – она перехватила мой недоумённый взгляд на её гольфы из грубой шерсти, торчавшие из голенищ сапог, – последний писк.

Писк-то писком, но стиль, однако, каждый выбирает себе сам. Несмотря на второго ребёнка, наша девочка-эмигрантка так и осталась той восемнадцатилетней авантюристкой, какой она уехала в Стокгольм на туристическом автобусе, и, встретив там своего будущего мужа, домой не вернулась. О том, что её родители сходили с ума, ей, наверное, и в голову не пришло.

С родителями Никины отношения не ладились лет с тринадцати. Папа ей казался слишком занудливым, а мама – слишком властной. Она находила места и компании, где было весело и никто не давил на неё, как дома. Понятно, что эти компании родителям понравиться не могли.

Несмотря на то, что Нике достались от родителей неплохие способности, с учёбой её отношения тоже не сложились.

– Улицу будешь мести! – кричала на неё мама Тамара.

– Ну и что, – равнодушно пожимала плечиком Ника и, выдув из жвачки пузырь, громко хлопала им, доводя мамулю до белого каления. А Юра, слушая их частые перепалки, хватался за сердце и искал корвалол.

Но вот пролетели пятнадцать лет. За это время Ника вышла замуж, родила дочь, получила гражданство, развелась, окончила Стокгольмский университет и родила вторую дочь. А между делом посмотрела весь мир и сменила в Стокгольме несколько квартир.

Дорога из Орландо была долгой: автобус, поезд и снова автобус.

– Расскажи про малышку. Ей уже полгода? – попросила я.

– Да уже почти семь месяцев. Спокойный ребёнок. Ты с ней не будешь мучиться, – махнула она рукой, словно закрывая тему.

– И ты уже собираешься выходить на работу?

Ника кивнула, потрянув своими ужасными прядями.

– Думаю. Но посмотрю ещё. Что шеф предложит. А если меня это не устроит, то поищу новую работу, пока я в декрете и ты с ребёнком.

– А что ты ждёшь от шефа?

– Сейчас новые заказы. Шеф спрашивал, не выйду ли я на работу. Если он повысит зарплату, то выйду. А если нет, то посижу ещё. Восемнадцать месяцев декрета – моё право.

– А на декретные деньги можно прожить?

– Ну, конечно, не так, как хотелось бы. Ведь это же всего восемьдесят процентов от зарплаты.

– У тебя маленькая зарплата?

– С чего ты взяла! У меня из моей университетской группы самая высокая зарплата – сорок шесть тысяч.

Я мысленно умножаю на четыре и прихожу в восторг.

– А-а, ну... хорошо. И муж работает, да?

– Мужа у меня нет, – Ника гордо вздёрнула голову.

– А-а...

– С Веселинкиным папой мы не расписаны. Но он, конечно, помогает.

Я с облегчением кивнула.

– И даже не обручены.

– Что так?

– По крайней мере, легче выгнать, когда надоест, – засмеялась Ника, сверкнув отбеленными зубами, прозрачными, как горный хрусталь.

Улыбка осветила её лицо, словно луч яркого солнца, пробившийся сквозь тучи, и разительно преобразила её. Вот она, неземная Тамарина красота, изрядно попортившая жизнь моему брату. Над огромными раскосыми глазами дуги бровей взлетают двумя арками и переходят в остренький лисий носик. Красивый насмешливый рот и длинная шея. От трудного подростка не осталось и следа. Гадкий утёнок превратился в лебедя.

Мне не терпится увидеть Швецию, но за окном, то вымершие на праздники пригороды, то заборы предприятий, то перелески на скалах.

– Хочешь жвачку? – предлагает мне Ника. Я отказываюсь, а она бросает подушечку в рот и начинает жевать. И снова превращается в подростка.

Я спрашиваю Нику о старшей дочери Анжелине. От Юры я знаю, что она живёт на два дома: неделю у папы, неделю у мамы. Так положено по шведскому законодательству после развода родителей. В Швеции равноправие полов.

– Как Анжелина относится к такому кочевому образу жизни?

Ника небрежно пожимает плечом.

– Нормально.

– Не пытается играть на ваших противоречиях?

– Ещё как пытается. Но я её попытки быстро пресекаю. А она, чуть что не так – уходит к папе. Ну и скатертью дорога. Да только и там долго не задерживается. Возвращается как миленькая. Там у отца Вера, с ней не побалуешь.

– Кто такая?

– Новая жена. Так что возвращается Анжелка как шёлковая.

Я вздыхаю. Тяжёлый, какой тяжёлый вопрос – развод родителей. Лишать ребёнка одного из них – очень плохо. Заставлять жить на два разных, зачастую враждебных дома... Это разве лучше? Разве это выход?

Пытаюсь сменить эту тему. Вспоминаю, что почему-то не знаю Никину специальность.

– Ника, где и кем ты работаешь?

– В одной известной компании по информационной безопасности. Системным аналитиком.

Я открываю и закрываю рот. И глупо моргаю.

– Что это такое?

– Мои обязанности: анализ предметной области и формулирование требований к информационным системам, оптимизация бизнес-процессов и моделирование данных, – отчеканила Ника, ни разу не споткнувшись, даже несмотря на жвачку во рту.

И, насладившись моим замешательством, пояснила нормальным языком:

– Я вытягиваю из заказчика, что им требуется для бизнеса, и формулирую задачи тем ребятам, которые разрабатывают для них сайт. Ну, и многое другое. Короче, работа в ай-ти.

– Что?

– IT – информационные технологии.

Ника искоса смотрела на меня с весёлой и доброй насмешкой. Вот тебе и трудный подросток, гадкий утёнок. Стокгольмский университет – это звучит. Мою альма матер – Нижегородский Лингвистический Университет – знают и ценят только профессионалы. А Стокгольмский университет – во всём мире.

Ника жила в новом, двенадцатиэтажном доме со стеклянной входной дверью. Мрамор и никель на узенькой лестнице, откидной настил для колясочников. В зеркальном лифте поднимаемся на девятый этаж. Открываем дверь лифта, и на площадке тут же автоматически загорается лампочка. Площадка такая маленькая, что если открыть двери соседних квартир одновременно, то они стукнутся одна о другую. Но ведь такое случается крайне редко. Экономия на том, на чём можно экономить. Зато идеальная чистота. На этом не экономят. Улыбчивую уборщицу я буду встречать довольно часто.

А вот и Никина новая квартира. На входной двери вместо номера – её имя и фамилия. Через символическую прихожую сразу попали в широкую просторную гостиную. Четыре окна вдоль большей стены наполняют её светом и воздухом, открывая широчайшую панораму. Это было первое впечатление от её квартиры, перехватившее дыхание от восторга. Как я потом убедилась, так же действовала Никина квартира и на всех остальных, включая саму Нику, когда она только пришла её смотреть.

На огромном белом диване у окна сидели дети. Четырнадцатилетняя Анжела, уже красавица с карими глазами и тёмно-шоколадными локонами, кормила с ложечки свою сестрёнку. Анжела поздоровалась со мной за руку. Помнила, видимо, она меня плохо. Малышка же во все глаза разглядывала новую тётку. Но главное, без страха. И вот уже, с улыбкой во весь беззубенький рот, протянула ко мне свои ручонки. Вылитая дедушка, то есть мой двоюродный брат.

Посреди гостиной – чей-то не полностью распакованный чемодан. И на ручке детской коляски аэропортовский ярлык.

– Вы куда-то ездили? – я перевожу удивлённый взгляд на Нику, и только теперь до меня доходит, что у неё на лице не тональный крем, а южный загар.

– Да, мы отдыхали в Испании. Вчера вечером прилетели. Извини, ничего не успела купить к обеду. Из-за каких-то неполадок с шасси наш самолёт кружил целый час над аэропортом – вырабатывал топливо, и дома мы были очень поздно. Так что разогрею полуфабрикаты, какие завалились в морозилке.

Мой самолёт вылетал из Москвы в девять, и в Орландо из-за разницы во времени прилетал тоже в девять. До меня дошло, что Нике пришлось рано вставать, а после собственного перелёта это было вдвойне нелегко.

– Ерунда, – отмахнулась она на мои предположения.

Потом мне придётся много раз удивиться, насколько Ника легка на подъём и вынослива.

– Как отдохнули?

– Прекрасно. Я так хорошо себя чувствую там, где солнце и тёплое море. Была б моя воля, я бы сюда и не приезжала, в этот хмурый город.

– А как путешествовалось с малышкой?

– Нормально, – Ника пожалла плечом, – разве по ней не видно?

Малышка в доказательство жизнерадостно улыбалась.

Пока я распаковывала свой чемодан и доставала скромные подарки, Ника рассказывала о курорте. Разговаривая, она извлекла из холодильника какие-то замороженные полуфабрикаты и сварганила из них в микроволновке нехитрый обед: тефтели, похожие на каштаны, и картофель с луком, который, был заморожен в готовом виде.

После обеда я разместились в своей комнатке. Этот квадрат три метра на три Ника отгородила от кухни, без ущерба для последней. Просто кухня осталась без столовой зоны, и в квартире прибавилась четвёртая комната. А что касается обеденного стола, то для него достаточно места в просторной гостиной.

Оказалось, с Веселининым папой познакомиться сегодня не удастся.

– Он сегодня ночует у себя.

– То есть?

– У него есть своя квартира. И он там отдыхает. От меня, А я здесь. От него, – хохочет Ника, красиво закинув голову. – Но, если серьёзно, я сказала, что приедешь ты, и что мне будет не до него. Так что он придёт завтра.

– Ты на курорт одна ездила?

– С детьми. А у него работа.

– А, понятно. Ещё не виделись после приезда?

– Нет, конечно.

Глядя на Анжелу, я не могла не вспомнить Никиного первого мужа. Дочка унаследовала не мамину, а папину красоту. Красивая была пара – её родители. Лет десять назад, когда они вышли из такси напротив моего дома, мои соседки вывалились из окон, а потом замучили вопросами, что за артисты ко мне приезжали. Как многое с тех пор изменилось...

Дурацкое это занятие, тонуть в воспоминаниях и жалеть о прошлом. Ника, похоже, такой ерундой не занимается. Она позвала меня с собой за продуктами, и мы отправились в соседний торговый центр. На сей раз племянница надела не бесформенный пуховик, а приталенное красное пальтишко с рыжей лисой и превратилась в элегантную леди. И этим невероятным превращением снова меня удивила. Никины рыжеватые пряди удивительно сочетались с ассиметричной шкуркой, обвившей её шею, и я мысленно представила, какой классный мог бы выйти портрет.

Пока мы спускались в лифте, Ника по-деловому, и в то же время деликатно, обсудила вопрос оплаты моего труда. И это была уже совсем другая Ника. Она так поразительно менялась, что я уже не могла удивляться. Оплата меня устраивала. Тем более, посмотреть Стокгольм и не просто пару дней, а пожить в нём, да на всём готовом, – для меня это уже огромная награда. А на тот случай, если Нике вдруг взбредёт в голову разыгрывать в отношении меня сценарий "госпожа и прислуга", у меня был неприкосновенный запас в кронах на обратный билет.

Колыбель Стокгольма

В мою первую поездку в центр шведской столицы разглядывала я Слюссен именно с того места, откуда собственно и начинался Стокгольм.

До 1187 года здесь, в месте впадения озера Меларен в Балтийское море, была всего-навсего рыбацкая деревушка. А столицей Швеции слыл город Сигтуна, расположенный далеко на берегу этого же озера. В августе того года Сигтуне сильно досталось от набега карелов и новгородцев. Таковы были нравы тех времён: то шведы пошлют в Карелии и на Новгородчине, то с разорённых земель гости пожалуют и тоже пошлют.

Вот чтобы спасти Сигтуну от непрошенных гостей, на этом острове, перекрывавшем вход в озеро Меларен, и была заложена крепость, которая взяла под контроль узкий пролив, соединявший озеро и Балтийское море.

В Сигтуне и других городках, расположенных по берегам озера, отныне могли спать спокойно. Врагов они больше не видели, но и наплыв купеческих судов в прежнем количестве тоже. Почему? В этом также "виновата" новая крепость. Благодаря ей рыбацкая деревушка стала быстро развиваться, и в 1252 году впервые упоминалась как город Стокгольм.

До Сигтуны ещё надо было добраться, преодолев бесчисленные и опасные шхеры (мелкие скалистые островки), а Стокгольм расположен ближе и удобней. Вот он и стал принимать корабли со всего мира. Со временем город превратился в крупный торговый центр и стал новой столицей Швеции.

Тьма веков сокрыла первоначальное значение названия города, как, впрочем, и название нашей столицы. Вот и о Стокгольме существует две версии, кому какая нравится: "остров, укрепленный сваями" и "остров в заливе".

У пролива, ведущего в озеро, располагается площадь с труднопроизносимым названием Корнхамнсторг. Словно три удара топором: Корн (зерно), хамн (от гавань), торг (площадь). В этих слившихся в глубокие века трёх словах слились и три языка: немецкий, шведский, русский. Теперь это служит лишним доказательством того, как тесно исстари общались благодаря Балтике три народа. А ещё в этом названии отражается та важная роль, которую площадь играла в Средневековье...

Парусники, гружённые зерном, причаливали на пристани. Матросы ловко накидывали канаты на просмолённые сваи и закрепляли концы. Грузчики, а, может, и сами матросы, сносили мешки по трапам, и доски прогибались под их тяжестью. Грубые башмаки глухо топали по доскам, стучали по булыжной мостовой. А на рынке шла бойкая торговля зерном. Толчея, конский помёт под ногами, вездесущие воробьи подклёвывали просыпанные зёрна... Скрип тележных колёс, крики чаек и многоязыкая речь...

Первое, что я увидела на Корнхамнсторг, очнувшись от созерцания Слюссена, был российский туристический автобус из Питера. У лобового стекла красовалась табличка: "Четырёхдневные туры: С-Петербург – Хельсинки – Турку – Стокгольм". Мамма миа! И всё за четыре дня! Да ещё вернуться надо. Комфорт, конечно, потрясающий. Может быть, несчастные туристы что-нибудь даже увидеть успеют. Не все, конечно, но хотя бы те немногие, кто после бессонных ночей в состоянии ходить за гидом и внимательно слушать. И, может быть, даже после вспомнят не только то, что видели, но и где.

Так что этот автобус дал мне повод почувствовать себя не просто счастливой, а очень счастливой. У меня целый-целый день на один только остров. А впереди ещё много-много дней. И всё, что захочу, я не просто увижу, но и рассмотрю. И буду наслаждаться этим так долго и столько раз, сколько душе моей будет угодно.

В наше время, глядя на Корнхамнсторг, толчею Средних веков даже трудно представить. Теперь это территория безмятежности, релакса и респектабельности. Дома, как в нашем мультике про Карлсона: украшены затейливой лепниной, с остроконечными крышами, мансардными окнами. По прибалтийской моде они слеплены меж собой боками и, словно стражи, защищают от северных ветров. А в нижних этажах банки, кафе, рестораны.

Вот меж двух старинных пятиэтажек затесался жёлтенький домик в четыре этажа. Это своеобразная фишка площади: своим левым углом домик выпадает из общего строя и нависает над мостовой. Кажется, будто только дома-соседи не дают ему упасть. И домик стоит очень даже бодренько. Не с каждой точки площади заметишь эту его потрясающую кривизну.

По странному совпадению, на этой площади я чаще всего оказывалась в редкие солнечные дни. В узкие средневековые улочки низкое солнце не в состоянии заглянуть, а Корнхамнсторг оно заливают настолько щедро, что не хочется уходить. Шведы начинают загорать на ней чуть ли не с марта. Ну, если не загорать, то нежиться на солнце.

Площадь не транзитная, по ней редко ездят машины, и поэтому ничто не нарушает её безмятежности и покоя. Представляю, как здорово там летом, когда из ресторанов выносят столики на мостовую. Столики с видом на Слюссен, так поразивший меня в первые мгновения в Старом городе. А оттуда, со Слюссена, наоборот, любуются этим берегом. Специально для туристов там есть обзорная площадка с лифтом. Рассматривая панораму Старого города, приезжие прежде всего видят эту площадь.

День удивлений

Ника оказалась ранней пташкой. Когда я выползала по утрам из своей комнаты, она уже качала пресс на тренажёре в углу гостиной. А Веселинка сидела на ковре посреди своих игрушек, но внимания на них не обращала. Она не сводила глаз с мамы и закатывалась таким смехом, что меня удивляло, как это маленький ребёнок может так громко и взаправду хохотать. Ну, что тут скажешь! Веселинка и есть Веселинка. И день начинался с её смеха. А ещё – с запаха кофе.

Хоть Ника по утрам и оберегала мой покой, но не проснуться от аромата кофе, который варился в кофеварке, мог только мёртвый. Хороший получался кофе в её кофеварке. Однако аромат первой Никиной чашки был стократно лучше. Это закон то ли гастрономии, то ли физиологии, но, по-моему, общеизвестный и всем понятный: своя чашка кофе почему-то так восхитительно не пахнет.

Ника боялась меня сильно "эксплуатировать", хотя мне такая "эксплуатация" была не в тягость, и потому передавала мне Веселинку с рук на руки не раньше девяти часов. Но не в буквальном смысле с рук на руки, а всего лишь под мой бдительный контроль и заботу. Она и сама просто так не носила дочку на руках и мне не позволяла, хотя я бы не прочь... Чудесная малышка, подержать этого живчика на руках – одно удовольствие.

Но в то первое утро, о котором хотелось рассказать, я проснулась по московскому времени раньше всех. За окном маленькие тракторочки шириной с тротуар, прорезая темень мощными прожекторами с крыш своих кабин, чистили дорогу и посыпали дроблёным гранитом. По дорогам они проезжали особым строем, лесенкой. А потом, разбежавшись по одному, чистили тротуары, да не только на улицах, но и во дворах. Дворников с метлами в Стокгольме, самом чистом городе мира, я не видела ни разу.

Как оказалось, завтрак как такового, чтобы вся семья садилась за стол, у Ники не было заведено. Просто, кто что отыскивал в холодильнике, то и употреблял вместе с кофе или водой из-под крана. Да, да, Анжелина не пила ни кофе, ни чай, а исключительно холодную воду из-под крана, закусывая бутербродами. Это, конечно, не наша вода, а стокгольмская, изумительно чистая и "полезная". Некипячёной водопроводной водой мне велено было поить и Веселинку. И это не зверство матери, которую в России только за это уже можно лишать материнства, а действительно чистая вода. За все три месяца моего проживания у Ники мы ни разу не чистили чайник. Причём, по одной простой причине – в нём не образовывалось накипи, нисколько, ни малейшей. И не бывало никакого осадка в виде взвесей. Шведы с гордостью рассказывают, что даже на королевских приёмах в хрустальных графинах подаётся не столовая минералка, а именно вода из-под крана. Так что Анжелина, хоть на мой взгляд и питалась чудовищно неправильно, зато пила по-королевски.

На завтрак я отыскала себе мюсли, давно забытое "бесхолестериновое" масло "Рама" и сыр.

– А почему у тебя нет в хозяйстве яиц? – спросила я Нику. – Яичницу или омлет приготовить – пара пустяков. Сытный и быстрый завтрак.

– Ой, ты что! – Ника округлила глаза, словно ей предложили съесть таракана. – Они здесь дорогие и маленькие, ими не наешься, но в них очень много холестерина.

Ради меня Ника всё-таки стала покупать время от времени яички. И они действительно оказались чуть больше перепелиных. Хотела бы я взглянуть на шведских несушек. Но бройлеры оказались обычных размеров.

Вскоре после завтрака пришёл Веселинкин папа.

– Кристиан, – протянул он руку, с улыбкой глядя мне в глаза.

Эта улыбка с лёгким наклоном головы, дружелюбный взгляд незабудковых глаз сразу расположили меня к новому родственнику. А ещё – его европейские манеры. Признаться, это моя слабость со студенческой скамьи. В университете, изучая иноязычный речевой этикет, мы усваивали и особенности европейской манеры общения, что в наших девичьих глазах страшно облагораживало однокурсников-парней. Соседи-политехи по сравнению с ними уже казались либо "валенками", либо "кирзой". Неудивительно, что моим мужем стал мой однокурсник.

Кристиан был внешне очень приятным, но, несомненно, проигрывал Никиному первому мужу. Что поделаешь, для номера "два" сравнения неизбежны. Тем более, Анжелинин папа, кареглазый красавец брюнет баскетбольного роста, был просто неотразим.

Мы обменялись с Кристианом парой фраз-любезностей на английском, и я удалилась в свою комнату, чтобы не мешаться. Кристиан принёс детям подарки, целую кучу коробок. Пусть устроит детям Рождество.

Ещё вчера Ника подключила мой ноутбук к кабельному интернету, и я теперь могла поучиться ориентироваться в Стокгольме с помощью Google Планета Земля, заранее рассмотреть фотографии достопримечательностей. Словом, мне было чем заняться. А через стенку до меня доносились разговоры на шведском и даже песенка Кристиана для Веселинки.

Через некоторое время ко мне заглянула Ника.

– Лора, Веселина хочет спать. Ты не могла бы погулять с ней? Я помогу спустить коляску, покажу, как выйти.

Я согласилась, ведь это интересней, чем сидеть дома. И Нике спокойней будет готовить праздничный обед. Как раз за окном солнце прорвало свинцовые тучи, словно завлекая меня на улицу. Солнечный луч преломился в изумруде Никиного кулона и заиграл его гранями. Ника перехватила мой взгляд и горделиво поправила цепочку.

– Рождественский подарок Кристиана.

Очень удачный подарок, под цвет глаз.

Я быстро оделась, Ника собрала малышку, положила в коляску, и мы спустились в лифте вниз. Но не на первый этаж, где хоть и был откидной спуск для коляски, однако справиться с ним было довольно сложно, а в подвал.

Подвал! Это слово с детства наводило на меня ужас. Вспомнился подвал родительской пятиэтажки, запах квашеной капусты, гнилой картошки, мышей и кошачьих экскрементов. И кромешная темнота, в которой надо было на шершавой стене нашарить выключатель, а он почему-то не находился, в то время как кто-то невидимый и страшный мог напасть на меня из вонючего мрака. Даже спустя много лет эти воспоминания из детства заставили меня содрогнуться.

Ника дала мне универсальный ключ от всех дверей дома, как подъездной, так и в подвале, и даже от мусорки, и отправилась со мной показывать путь по подвальным лабиринтам. Выключатель нашёлся без проблем. Лампочки осветили вполне приличный коридор с отделкой стен и потолков, а также наливным полом. Свет загорелся ровно на такой промежуток времени, чтобы можно было дойти до следующего выключателя и зажечь новую лампочку.

В этом подвале, тоже за дощатыми дверями, скрывались личные сараи жильцов. Однако напрочь отсутствовали сопутствующие запахи. Мало того, пахло душистым стиральным порошком, потому что за одной из дверей, которая открывалась тем же ключом, находилась просторная прачечная с пятью огромными автоматами, разнообразными сушилками и гладилками. И то было самым потрясающим открытием в Никином подвале.

Наконец, миновав "выставку велосипедов", подвешенных по стене, мы выкатили коляску. Убедившись, что я сумею вернуться назад, Ника покинула меня, а я осталась на улице.

Пока я натягивала перчатки, вдыхая по-осеннему влажный воздух и озираясь, к входу торгового центра по соседству подкатило такси. Таксист вышел из машины, взял под руку ухоженную старушку, дожидавшуюся его с продуктовой коляской, и посадил в такси. Он сам пере-

ложил продукты из коляски в багажник и увёз старушку в сторону вилл. А мне понадобилось некоторое время, чтобы переварить увиденное. "Ну, что тут особенного? – рассуждала я сама с собой. – Старушка долго работала, всю жизнь откладывала деньги с зарплаты. На её долю не выпало ни революции со сторанием всех накоплений, ни раскулачивания, ни дефолта. И на пенсию она живёт, а не выживает. Так что она может себе позволить..."

Переварив эту уличную сценку, я свернула во двор. Он оказался таким же красивым и ухоженным, как какой-нибудь сквер. Группки деревьев на зелёном газоне, обрамление из кустарников, фонтанчик посреди клумбы, детская площадка. Я нарезала с коляской круг за кругом, любуясь всеми этими ухищрениями ландшафтных дизайнеров, включая лавочки, красивые фонари и вписавшиеся в искусственный ландшафт старые сосны у природных гранитных валунов. Однако при моём любопытстве двор, как бы ни был он красив, быстро наскучил, и я двинула коляску на улицу, в сторону вилл.

Виллы при ближайшем рассмотрении так же смахивали на советские дачи своими ломаными крышами и так же проигрывали нашим постсоветским коттеджам отсутствием заборов и крепостных стен. Участки отделялись от тротуаров низенькими изгородями, а зачастую просто кустарником. Не было и того размаха, с каким построены наши коттеджи.

Начинало смеркаться. Веселинка завозилась в коляске. Пора было её кормить, да и самой пообедать.

Так и не встретив ни одного человека, я повернула назад. По дороге проехало довольно старое авто, безумно просторное и громоздкое, как Кадиллак с американских картинок шестидесятых годов. За рулём сидел импозантный дед с прямой спиной и седой шевелюрой. Рядом восседала старая дама с аккуратной укладкой на таких же седых волосах. Это была настолько непривычная картина для моего русского глаза, что я невольно остановилась, провожая их взглядом.

Вернувшись домой, я с удивлением обнаружила, что, несмотря на Рождественский праздник и на то, что вся семья была в сборе, съестным в квартире и не пахло. Относительно "семьи в сборе" я тоже сильно ошибалась. В квартире уже не было ни души!

В холодильнике я нашла ковшик с детским супчиком, сваренным Никой ещё вчера, и покормила Веселинку, а себе сочинила что-то из полуфабрикатов. Мы с удовольствием поиграли с Веселинкой, поменяли памперс (оказалось, невелика наука) и посмотрели на разноцветные огоньки за окном.

Наконец заскрежетал ключ в замке, и вошла Анжелина.

– Лора, а Ника не вернулась? – спросила она, раздеваясь в прихожей и удивив меня тем, что называет маму по имени.

– Нет, как видишь.

Видимо, Ника с Кристианом куда-то ушли.

– Ты есть хочешь? – спросила я. – Тебе что-нибудь сготовить?

– Нет, я не голодна, – Анжелина – покачала головой, утрировано, как обычно сопровождают свою речь на неродном языке, и её блестящие тёмно-шоколадные локоны красиво заиграли. А на груди сверкнул такой же медальон, как у Ники, только с аметистом. – Мы с Кристианом ходили в суши... суши-бар и таммм... покушали.

По паузам между словами, с мычанием при подборе слов, видно было, что русский у Анжелины не самый родной. Но удивило меня, конечно, не это.

– А где мама? – спросила я.

– Не знаю, – пожалала она худенькими плечами и затормошила, зацеловала Веселинку. Сестрёнка залилась смехом.

– А Кристиан? – приставала я с расспросами.

– Домой пошёл.

Так, интересное Рождество у Ники.

Анжелина резко прервала игру с Веселинкой и, не обращая внимания на то, что ребёнок захныкал, протягивая к ней ручонки, заперлась в своей комнате.

Ника вскоре пришла. С теннисной ракеткой за плечами.

– Где ты была? – спросила я.

– Ходила на теннис, – ответила она, снимая ракетку с плеча, словно винтовку.

– В Рождество?

– Да, мой партнёр оплатил время на корте. Почему бы и нет?

Действительно, почему бы и нет? Это я в праздники жарила и парила на кухне для мужа, его родственников и партнёров по бизнесу. Других друзей у нас уж и не было. Ну, и получила... Разве я могу поучать Нику?!

– Вы с Кристианом поссорились?

Ника выглянула из шкафа-гардеробной, где раздевалась.

– С чего ты взяла?

– Ну-у, ты – на теннис, он – ушёл...

– Ну, и что. Завтра придёт. – Ника попрыгала на одной ноге, сбрасывая длинный ботфорт, при этом её косая чёлка и новый кулон мотались из стороны в сторону. – Я забыла тебе сказать. Сейчас придет моя одноклассница из России. Мы нашли с ней друг друга на Одноклассниках, на сайте. А Кристиану я сказала, чтобы не мешался, когда у меня гостей полон дом.

Разувшись и раздевшись, Ника закрыла дверь гардеробной. Первым делом она потормошила, зацеловала Веселинку и, оставив её, ушла на кухню, не обращая внимания на то, что ребёнок потянулся за ней и захныкал.

– Представляешь, встреча через шестнадцать лет! – продолжала Ника, шаря по холодильнику в поисках съестного. – Интересно на неё посмотреть. Это, по-моему, единственный человек из моего класса, у которого нет проблем. Я её спрашиваю: "Приедешь ко мне в Стокгольм на Рождество?" Она отвечает: "Нет проблем! Почему бы нет?" Остальные только хнычут и на жизнь жалуются. А у Светланки всё о'кей.

– Ты поедешь в аэропорт её встречать?

– Нет, она на такси доберётся.

Такси до аэропорта я уже видела скучающими на стоянке. На них цена проезда до Орlando написана крупным шрифтом, что меня удивило. И сама цена тоже, две тысячи на наши деньги. Круто!

– У неё свой бизнес?

– У неё крутой жених в Москве, – ответила племянница, пережёвывая бутерброд.

Ника встретила свою одноклассницу по её звонку с мобильного у дверей подъезда. Когда они вошли, обе сияющие радостью, с огромным чемоданом, у меня сразу мелькнула мысль, что я эту одноклассницу где-то видела. Мы поздоровались и познакомились со Светланой, и я поняла, кого она напоминает – хореографа Лану Ланкову, с которой мы несколько лет назад участвовали в постановке новогоднего представления для детей. Я – как сценарист, она – как руководитель детского хореографического коллектива, оживлявшего действие сказки танцами.

Подружки бурно радовались встрече и не могли надивиться, как обе переменились и похорошели. Светлана сняла норковое манто, вызвавшее бурю Никиных восторгов. Ника тут же примерила манто, вертясь перед огромным зеркалом, а Светлана, раскрыв чемодан, принялась доставать подарки подруге и детям: дорогие парфюмерные наборы, сувениры, игрушки и какое-то невероятное вино из дьюти фри.

– Ну, ты, Царёва, даёшь! – воскликнула Ника, разглядывая подарки.

Царёва! Вот оно, что! То есть, кто! Лана Ланкова как раз была дочерью Царёвой Екатерины Павловны, директрисы дворца культуры, в котором и осуществлялась постановка. Теперь-то я её узнала. Лана... Светлана...

– Ой, так вы Лана Ланкова? – воскликнула я.

Светлана обернулась, пристально вглядываясь в меня.

– Я уже снова Царёва... После развода... Лариса, это вы?! Вот это встреча!

Неудивительно, что в милой и улыбчивой Светлане с длинными белокурыми локонами я не узнала серьёзную и строгую Лану с балетным пучком каштановых волос. Тем более что в постановку она включилась в последние дни, вернувшись с сессии, и я видела её всего несколько раз.

– Как мама? Всё там же?

– Мама по-прежнему руководит своим досуговым центром.

А Нике, недоумённо глядевшей на нас, пришлось объяснить, что мы вместе ставили новогоднюю сказку под руководством Светланиной мамы.

Однако подруг связывало нечто большее, чем нас с Ланой. Поэтому, оставив их предаваться воспоминаниям, я ушла на кухню готовить ужин. И туда до меня доносились обрывки их разговоров: "А помнишь..." "Да ты что!" "А как тот?" "А как эта?" "А чем занимается?" "Вот это да!"

Ника отыскала школьные чёрно-белые фотографии.

– Погляди, какие мы смешные были! – прибежала она ко мне с выпускным фото. Широкие плечи и начёсы, другая мода. Другое время, у выпускников другие глаза.

За ужином подружки рассказывали разные смешные случаи из прошлого. Анжелина молча слушала и глядела на них так, будто не верила, что они тоже учились в школе. После ужина она уехала к папе. А я устала удивляться и, уложив Веселинку, удалилась в свою комнату. Подружки же проболтали полночи.

Клад Старого Города

Как утверждают шведы, во всей Европе не найти большего средневекового центра города, чем Гамла Стан. Уже одно это утверждение вызвало у меня, с детства помешанной на Средневековье, жгучий интерес.

Средневековый город я представляла себе по школьному учебнику и книжкам одно-, двухэтажным и фахверковым. Однако фахверков в Стокгольме никогда не строили. Да и многоэтажность Старого Города меня сильно озадачила. Я стояла, задрав голову, и разглядывала пяти- и шестиэтажные дома с остроконечными крышами, с банками, ресторанами и магазинами на первых этажах. Всё выглядело вполне респектабельно. Никакого тринадцатого-пятнадцатого века (как известно, Средние века закончились в пятнадцатом веке). От силы семнадцатый-восемнадцатый век.

Действительно, домишки классического Средневековья, времён основателя Стокгольма Биргера Ярла, которые я жаждала увидеть, давно уничтожили пожары, бушевавшие, к слову, не раз. В одном из пожаров сгорел даже королевский дворец. Последний раз город был отстроен, как я и подозревала, в семнадцатом-восемнадцатом веках, причём из камня и по генеральному плану. Так что, говоря о средневековом центре, имеют в виду только те, прежние, границы города.

Тем не менее, три-четыре столетия – тоже почтенный возраст, при том, что дома находятся в хорошем и очень хорошем состоянии. А это объясняется тем, что в середине прошлого века разбогатевшее государство вложило в реконструкцию Старого Города немалые средства. И это было единственно верное решение, ведь колыбель Стокгольма стремительно ветшала, превращаясь в криминальные трущобы.

И вот дома были реконструированы. В них провели все необходимые современные коммуникации, нарастили мансардные этажи. А на просторы мансардных этажей из-за океана перекочевал стиль, именуемый "лофт", и, скрестившись со знаменитым скандинавским стилем в интерьере, превратился в скандинавский лофт и стал не менее модным и знаменитым. Кстати сказать, мансардные окна – это такая фишка Стокгольма, о которой мы знаем с соплевого детства. Где жил Карлсон? В домике на крыше. Мансардные окна из-за частых осадков оформляются в Швеции в виде таких маленьких домиков.

Итак, реконструкция Гамла Стан обеспечила жителей исторического центра вполне респектабельным жильём, а также привлекла туда толпы туристов со всего мира. Так что затраты на реконструкцию окупились за несколько лет.

Примечательно и замечательно также то, что Гамла Стан расположен на небольшом острове Стадсхольмен (хольмен – по-шведски остров), и такое островное, обособленное расположение, возможно, и помогло ему сохраниться как единому целому, без современных вкраплений. Стокгольм разрастался вширь и вдаль на других, более просторных островах, оставив Гамла Стан в неизменном виде. А теперь современный городской ритм с его оживлённым трафиком не достигает старинных улочек, обтекая их с востока по набережной, а с запада – по туннелю. Так что остановившееся здесь время течёт также неспешно и в той же сказочно-игрушечной тесноте и тишине, что и несколько веков назад.

Следов той крепости, что защищала город с тринадцатого века, тоже не найти. О её границах напоминают лишь две улицы, проложенные когда-то вдоль западной и восточной крепостных стен.

Улица Вестерлонггатан – действительно вестер, то есть западная, и действительно лонг, то есть длинная, точнее, самая длинная в Гамла Стан, в настоящее время служит Главным Променадом Старого Города. Здесь домики тесно лепятся один к другому, надёжно защищая от неласковых ветров. А ширина улочки, точнее, узина, позволила протянуть поперёк неё, от

дома к дому... нет, не верёвки с бельём, а рождественские гирлянды. Под ними непрерывным потоком движутся разноязыкие толпы туристов, и я с удовольствием пополняю их нестройные ряды.

У первой же сувенирной лавочки продавец с выдающимся пивным животом жизнерадостно демонстрирует футболки со шведской символикой: “Absolut Sweden”, “I love Sweden”. Толпа смеётся на его шутки, свежий балтийский ветер весело развывает над головами шведские флаги под цвет футболкам. Общий настрой передаётся и мне, и я заражаюсь беззаботностью и весельем. Конечно, это не бразильский карнавал, однако ощущение праздника жизни витает в воздухе.

Толпа влечёт меня мимо многочисленных сувенирных лавочек, бутиков, ювелирных и артсалонов, кафе и ресторанчиков, расположенных в нижних этажах зданий. У очередной витрины кто-то лишь замедляет шаг, кто-то замирает, разглядывая выставленные товары, часть толпы перетекает в магазинчик, вытекает наружу, снова вливаясь в общий поток. И я, как часть этого общего, подчиняясь его ритму и любопытству, то останавливаюсь у новой витрины, то брожу по магазинчику.

Ассортимент сувениров примерно одинаков в каждой лавочке. В одной из них мне в голову приходит настоящее открытие: самый интересный способ изучения истории и культуры страны – через знакомство с её сувенирами. Жаль, что оно не тянет на нобелевку, и не видать мне королевского поздравления, и не ощутить мне королевского рукопожатия, и не осветит меня монаршая улыбка.

Вот эпоха викингов предстаёт многочисленными фигурками, боролатыми и рогатыми, а также их ладьями с лебедиными шеями. Туристы с внешностью мачо прицениваются к бутфорским мечам, примеряют рогатые шлемы и сразу преображаются. Суровые предки были у шведов, а также отважные мореплаватели. Однако те жестокие времена за давностью лет романтизированы, а сувениры по большей части с оттенком комизма. Читала даже, что рогатых шлемов викинги не носили. Ни одного такого не найдено археологами. Это всё придумки киношников и иллюстраторов. Пусть так, но рогатых шлемов у предков шведов уже не отнять.

В одной из малюсеньких витрин выставлены медные женские украшения – красивые серьги ручной работы. Такие носили шведки в Средние века, когда в Швеции открыли богатые медные месторождения. Однако теперь покупать такие серьги никто не спешит, медь всё-таки есть медь. У ювелирных салонов намного оживлённее. Публика там всё больше почтенная, не первой молодости, студенты в ювелирные магазины не заглядывают. Помимо золота и серебра, много балтийского янтаря. На шведских берегах сосны тоже плачут.

Шерстяная одежда ручной вязки – дань суровому и сырому климату. В старину бедные шведки вывязывали эти узоры, снежинки и оленей, на одежде для мужей и сыновей. Теперь традиционный шведский орнамент вошёл в моду, и вещи стоят очень даже прилично. Надо полагать, современные вязальщицы не бедствуют.

Среди сувениров много подсвечников, серебряных и под серебро, чугунных и под чугун, для свечей парафиновых, гелевых и электрических – к ним у шведов особое отношение, это непременный атрибут в каждом доме.

И всюду рогатые лоси-сувениры, лоси-игрушки, лоси большие, лоси маленькие. Лось – символ Швеции, и шведы с удовольствием изображают его в качестве сувенира, стилизуя на все лады. Для меня это стало ещё одним открытием.

А вот Россию, хоть европейцы и сравнивают с медведем, мы сами, однако, с этим зверем не ассоциируем. Ну, разве что в карикатурах. Олимпийский мишка – не в счёт.

Во многих магазинчиках у самого входа вывешены сияющие открытки с портретами шведской королевской семьи. Потрясение! В сказочном городе сказочный королевский двор. Благородство и сдержанность, поистине королевские туалеты и драгоценности, замечательный дизайн открыток. Наши поп-звезды с их фарфоровыми улыбками и вульгарностью меркнут при

сравнении. Однако в умах российских обывателей их свадьбы, скандалы, крестины и разводы, приправленные пошлыми откровениями и бахвальством, давно подменили царскую династию.

Разглядываю сувенирный фаянс с видами шведской столицы и прикидываю, какой "кусочек" Стокгольма мне хочется увезти с собой. Чтобы каждое утро, попивая кофе из кружки с Сити Холлом или с видом Гамла Стан, вспоминать этот прекрасный город и заряжаться хорошим настроением на новый день.

Больше всего меня заворожили декоративные изделия из чугуна и под чугун: разнообразные подсвечники, как для загородного дома, так и для улицы. Такой ажурный шар на цепи с гелевой свечкой внутри я бы повесила в своей беседке. Интересно, сколько он будет весить, а вместе с ним – и мой чемодан на весах в аэропорту...

Оторвавшись от витрины, я вдруг наткнулась на коротышку викинга в рогатом шлеме по самый нос. Заметив моё замешательство, какие-то студенты радостно отвесили по его шлему звонкий щелбан, и стены древних домов эхом отразили их молодецкий смех. До меня, наконец, доходит, что это кукла-завлекалка в сувенирную лавочку. Я шёлкаю по курносому кукольному носу, торчащему из-под шлема, и тоже смеюсь. Смеюсь вместе со студентами. Смеюсь на забавного викинга. Смеюсь на то, что нет у меня беседки, где можно повесить шар со свечкой. Зато у меня есть Стокгольм, огромный и прекрасный, пока ещё неизведанный.

Кукол-завлекалок, подобных этому викингу, немало на торговых улицах. Словно швейцары, они несут вахту у дверей магазинов и ресторанов. Запомнился длинноносый гоблин с огромными босыми ступнями на заиндевевшей брусчатке, но, правда, он на другой улице. А здесь у ресторана изогнулась в услужливой позе не первой молодости официантка с отбитой рукой. По соседству с этой Венерой Стокгольмской у конкурентов стоит толстый, но невыразительный повар в колпаке и явно проигрывает Венере.

Кафе так много, что запах кофе витает над всей Вестерлонггатан. Внутренности кафе хорошо видны через большие незанавешенные окна, а посетители, сидя за столиками, разглядывают пешеходов. В одном из кафе кирпичные стены. Здесь специально сняли несколько слоёв штукатурки, обнажив для обозрения древнюю кладку.

Когда во второй половине двадцатого века реконструировали дома, то под полом в одном из них нашли приличный клад – восемнадцать серебряных предметов: блюда, подносы и прочий столовый крупногабарит. По документам определили, что там проживала многодетная и в то же время небедная семья. Видимо, приберегли серебро на чёрный день. Времена-то были беспокойные. Однако чёрный день так и не настал. Чтоб нам так жить!

На Рождественские каникулы туристы слетелись в Гамла Стан со всего мира. Такого многолюдия, как в эти дни, я потом здесь больше не видела.

Полуголые европейцы, все как один в джинсах и чёрных бушлатиках, с посиневшими носами, громко переговариваются и весело смеются.

Тепло укутанные руссо туристо дисциплинированно ходят толпами за гидом, внимательно слушают, переговариваются тихо-тихо и задумчиво озираются. Молоденькие девушки ковыляют по обледелелому булыжнику на шпильках, а шведы таращат глаза на их диковинные меха.

Китайцы и японцы увешаны дорогой оптикой. Китайцы ходят группками и очень любознательны, суют нос и свои "фоторужья" с длиннющими объективами во все щели и подворотни.

Щупленькие кубинцы прибыли в Стокгольм с официальной делегацией и контрастируют с бледными аборигенами своим загаром.

Упитанные индусы фотографируются в обнимку по несколько человек, перегородив улицу, и беззаботно хохочут. Говорят, они котируются как классные программисты.

А крупногабаритные и громогласные американцы с их женщиной, скупавшей самые дорогие сувениры ручного изготовления, уже пропали в каком-то кафе.

Дойдя до конца улицы, я провожаю своих случайных попутчиков взглядом. Пусть их, идут дальше через мост и Риксдаг в центр города. И пусть будут всегда такими же весёлыми, счастливыми и беззаботными.

Русские секс-бомбы в шведском ресторане

В тот день Ника и Лана собирались в ресторан. Пригласил их Кристиан и, естественно, на вечер. Но сборы начались задолго до назначенного часа. Прямо с утра в доме царило небывалое возбуждение. Подруги, обмениваясь шуточками о предстоящем вечере, колдовали над причёсками. Яркая блондинка Лана наvertsела крупные локоны и стала ещё ярче. Ника покрыла лаком свои асимметричные пряди и сразу "выпрыгнула" из подросткового возраста.

И девушки перключились на макияж. У Ники в санузле два зеркала, одно напротив другого. И вот пригодились оба сразу. Две полуодетые красавицы, стоя спиной друг к другу, с упоением занимались макияжем, на несколько часов заблокировав туалет. Они наштукатуривали лица тональным кремом, наносили тени и румяна, подводили стрелки и, вытаращив глаза, наяривали кисточками ресницы.

Проходя мимо открытой двери, я наблюдала за их священнодействиями то с кисточками, то с карандашами, то с губной помадой. Всё проделывалось с необыкновенным азартом и энтузиазмом, какой появляется при коллективном творчестве.

В России Ника успела окончить курсы визажистов, о чём свидетельствовали огромные красные корочки диплома, пылившегося на антресолях, а также её страсть к экстремальному макияжу. Но в тот день, вдохновляемая соперничеством с подругой, она превзошла самоё себя. При этом она делилась своим опытом и познаниями с Ланой. Подруга оказалась тоже не лыком шита, имея богатый опыт сценического макияжа, так что у них нашлись общие интересы.

Как известно, сценический макияж должно быть видно с последних рядов зрительного зала. Процесс его нанесения оказался не из быстрых. Когда я уходила на прогулку с Веселинкой, он был в самом разгаре. Когда вернулась через два часа, дело, наконец, близилось к завершению. И вскоре девушки предстали перед моими очами, гордые и довольные собой. Я не могла найти слов. Веселинка рядом со мной на ковре перестала играть и, вынув игрушку изо рта, подняла глаза на маму и тётю. Она не протянула, как обычно, к маме ручонки, а молча уставилась на неё, пустив слюнку из раскрытого рта.

– Супер! – нашла я нужное слово. И это было самое точное определение их боевому раскрасу. К тому же, оно отвечало их ожиданиям.

Девушки расхотались и сделали перерыв на лёгкий обед по стакану молока.

Затем перед огромным зеркалом в золочёном багете, что висело между прихожей и гостиной, начался процесс примерки нарядов.

Лана выбрала платье без особых мук, благо чрево её чемодана не было необъятным. Это маленькое чёрное платьице с серебряным логотипом Шанель она, видимо, и прихватила для подобного случая. Тонкий трикотаж подчеркнул как её выдающиеся формы, так и балетную стройность – редкое сочетание.

Ника перебрала с пяток разных нарядов и тоже остановилась на чёрном платье. Но оно было ещё меньше, чем Ланино. Микроюбочка открывала её ноги чуть ли не от самых ушей, а глубокое, глубочайшее декольте – её потрясающий бюст. Он был потрясающим сам по себе. Но благодаря осанке бывшей гимнастки он затмевал всё вокруг. А ещё у Ники был гордый поворот головы и взгляд, который как бы говорил: "Вы ещё не в восторге от моей фигуры? Тогда умрите!" В этом чёрном платьице она убивала наповал всех без разбора: и тех, кто уже в восторге, и тех, кто с восторгом припозднился. К счастью, Ника поняла, что переборщила, и прикрыла декольте маленьким чёрным болеро.

В ответ Лана надела пурпурные колготки, а к ним такого же цвета бусы, до самого пупка. Хотела написать "нитку бус", однако это могла быть только верёвка. Иначе как, скажите, могли на ней удержаться стеклянные шарики размером с грецкий орех? Я непроизвольно охнула.

Ника натянула чёрные ботфорты.

Лана задорно улыбнулась и с видом факира, достающего зайца из цилиндра, вытянула из чемодана красные замшевые полусапожки. Это было настоящее произведение искусства. Наверняка их создал поклонник Фаберже. По бокам голениц этого чуда сапожного искусства блистали крупные "брильянты" и развевались атласные банты. Кажется, я открыла рот и, спохватившись, снова закрыла.

– Что, перебор? – спросила Лана.

Я кивнула.

Пурпурные колготки обиженно трыкнули, и вдоль стройной Ланиной ноги быстро пробежала стрелка. Участь пурпурного чуда была решена решительно и бесповоротно. Лана поменяла колготки, сняла и верёвку с бусами. С чёрными колготками и без папуасских бус красные полусапожки смотрелись потише, если можно так выразиться.

С балетной грацией Лана удовлетворённо повертелась перед зеркалом и, закутавшись в норковое манти, отправилась вслед за Никой курить на лоджию.

Вскоре пришёл Кристиан. Когда он увидел преображённых подруг, глаза у него вылезли из орбит, как у диснеевского грызуна Рокфора при виде сыра. Девушки намеревались сразить своей красотой весь ресторан, и Кристиан пал их первой жертвой.

Когда они ушли, я кормила Веселинку ужином и пыталась представить, как себя чувствовал Кристиан в окружении русских секс-бомб.

А потом мы с Веселинкой долго смотрели на вечерние огни Стокгольма за панорамными окнами гостиной. Огни завораживали не только малышку, но и меня: шаровидные фонари вдоль тротуаров, жёлтая иллюминация на деревьях в сквере, повторявшая рисунок сучьев и ветвей, красные габаритные огоньки автомобилей и маячки велосипедистов, светофоры, огромные светящиеся автобусы-гармошки. Огни текли вдоль улиц, вращались вокруг сквера, перемигивались, выключались и загорались, останавливались и снова двигались, подчиняясь ритму неслышной мне музыки. Казалось, это был танец огней на волшебном балу, танец стокгольмских вечерних огней.

Следующее утро было посвящено воспоминаниям о ресторане и выплеску эмоций. Возмущениям, какой плохой сервис у этих шведов, явились для меня полной неожиданностью.

Оказалось, все официантки при виде наших девушек разбежались. Одна заявила, что у неё рабочий день закончился, другая – что этот столик не её, третья куда-то запропастилась, чтобы не обслуживать русских "олигархов".

– Олигархов?

– Да, да, я слышала, как они шептались и обозвали нас олигархами, – рассказывала Ника.

– Нас мурыжили почти полчаса, – добавила Лана.

Я не верила своим ушам.

– Да, да, – убеждала меня Ника, – Мы пересели, и опять никого. Кристиану пришлось требовать администратора. Он нас и обслуживал.

– Когда мы вошли, – подхватила Лана, – все головы повернулись к нам. Они даже жевать и говорить перестали. Ну и дикие эти шведы!

– Все шведки сидят в джинсах, как одна, – продолжала Ника, – взглянуть не на кого. Впрочем, как всегда и всюду. А мы пошли к столику, и все головы поворачивались за нами. В полной тишине! Ты представь себе такое! Смотрели на нас, словно на экзотические существа.

Так я поняла, что шведов с их стремлением быть как все, удивить совсем не трудно.

Провалившись во времени

Чтобы ощутить ауру средневекового Стокгольма, надо прогуляться по Престгатан – улице в Старом Городе.

Здесь нет ни магазинов, ни туристов. Я иду по Престгатан в полном одиночестве, и стены древних домов эхом отражают стук моих каблуков по гранитной брусчатке. Эта улочка настолько узка, что так и представляется средневековый всадник с копьём поперёк седла, проверяющий расстояния между домами. Вдруг на соборе, где-то совсем близко за моей спиной, начинают бить древние куранты. Их мелодичные раскаты немного отстают от моих шагов, и мне кажется, что я провалилась во времени.

Улочка изгибается дугой, поэтому не проглядывается сразу полностью, открывая взгляду лишь несколько ближайших домов и оставляя в тайне то, что ждёт меня впереди. И кажется, что из-за поворота сейчас появится либо монах в рясе, либо торговка с корзиной, либо пробежит вприпрыжку шустрый подмастерье.

На Престгатан начинаешь снова замечать особенности архитектуры. Здесь ничто не отвлекает моего взгляда от массивных дверей, каждую со своеобразным украшением, с замысловатыми арками. На Вестерлонггатан я потом встречу входные группы даже с более интересным декором, но в первую поездку не разглядела. А на Престгатан я прихожу в восторг от старинных ставенек и засовов, чугунных вывесок и фонарей. Только зелёные гирлянды, то тут, то там украшающие подоконники и двери, заверяют меня в том, что жители не покинули эту улицу когда-то давным-давно, а продолжают на ней жить и сейчас.

Окошки выглядят вполне ухоженными, обжитыми и обитаемыми. Стёкла располагаются не в нишах толстых стен, как в России, а на одной плоскости со стенами, словно в дачных домиках. И никаких пластиковых стеклопакетов, нарушающих целостность архитектурного облика. В каждом окошке – по рождественскому семисвечнику. Дань традиции, а традиции в Швеции нерушимы. Семисвечники светят и для тех, кто идёт по улице. На улице я одна, и, несмотря на одиночество, мне становится по-рождественски тепло и светло на душе. Спасибо жителям!

Неожиданно Престгатан расступается, и я оказываюсь перед громадиной Немецкой церкви. От её мрачных стен из тёмного кирпича веет холодом. Задрав голову, я разглядываю острые башенки, часы с чёрным циферблатом, узкие высокие окна и не без содрогания – водостоки в форме драконов, расправляющих свои крылья под самым шпилем.

Построили эту церковь немецкие купцы, которые издавна обосновались в Стокгольме. У них был свой торговый двор, на котором хранился товар, а также дом, в котором собиралась немецкая гильдия, как, впрочем, и у русских купцов, у финских и, возможно, других национальностей. Одно слово – портовый город. Однако благодаря тесной торговле с Ганзейскими городами немцев было особенно много. В четырнадцатом-пятнадцатом веках немецкие купцы составляли четверть городского населения, а в магистрате они занимали добрую половину мест и таким образом оказывали влияние на принятие важных решений. Коренное население называло такое положение дел засильем немцев и недолго любило их. И потому свою церковь им долго не разрешали построить. Возвели её сравнительно поздно, лишь в семнадцатом веке. Но зато готический силуэт её колокольни, видный со всех сторон, теперь неразрывен с образом Гамла Стан и, превосходя по высоте даже собор, возносится над крышами Старого Города из самого его центра.

Миновав микроскопический скверик у Немецкой церкви, я увидела на Престгатан первые живые души. Это были русские туристы, столпившиеся у того места, что искала и я, а именно узкий проход между домами. Из-за них я не могла разглядеть его и сфотографировать. А туристы внимательно слушали гида.

"Эта улочка самая узкая в Стокгольме, – рассказывала гид, – ширина её всего девяносто сантиметров. Часть её занимает лестница из тридцати шести ступенек. Улочка названа в честь немецкого купца Мортена Тротцига, жившего здесь в шестнадцатом веке и имевшего свою лавочку. Когда его лавка стала приносить хороший доход, Мортен расширил свой "бизнес", занявшись экспортом железа и меди, которые добывались в Швеции. Металлы взвешивали перед погрузкой на корабли как раз на соседней Железной площади".

И гид пригласила свою группу спуститься на Железную площадь по Mårten Trotzigs gränd, то есть по переулку Мортена Тротцига. За то, что она называла его улочкой, я ответственности не несу. Возможно, для большего контраста с его шириной. И туристы начали просачиваться в этот переулочек, по одному. Просачивались, фотографировались и просачивались.

Процесс затягивался и, чтобы не терять времени, я решила прогуляться по оставшейся части Престгатан. Кстати, название этой улицы, тоже переводимо и означает Пасторская улица. К тому же, в северной части улицы, которую я давно миновала, жил шведский пастор, и она называлась Svenska Prästgatan, то есть Улица Шведского Пастора. В южной части, куда я как раз добралась, жил немецкий пастор, и она называлась соответственно Улица Немецкого Пастора. Существует легенда, что небольшой кусочек между этими улицами отвоевали себе... черти, и назвали его Хелветесгрэнд – Адский переулочек. Именно там жил и палач. Но говорят, его дом заколдованный, с первого раза ни за что не найти. Наверное, именно поэтому я забыла поискать этот переулочек, когда проходила мимо. Черти не дремлют, однако!

Вдруг моё внимание привлекают распахнутые двери, старые и ужасно обшарпанные. За ними спускаются вниз тёмные кирпичные ступени, и на каждой из них по горящей свече. Лестница закручивается спиралью и завлекает, манит меня вниз. Ах, как жаль, что у меня нет лишних денег, чтобы зайти в эту романтическую таверну-погребок! Я прохожу мимо, но по непостижимой логике (женской, однако) решаю отыграться: обязательно найти Хелветесгрэнд и дом палача.

Когда я возвращаюсь к переулку Мортена Тротцига, последняя парочка туристов всё ещё фотографируется между двух ободранных стен. Наконец, и они исчезают в щели. Я тоже фотографирую эту облупленную щель между двумя домами, по которой можно спуститься с Престгатан на знакомую нам Вестерлонггтан, в том месте, где она вытекает из Железной площади. Эти улицы идут не просто параллельно, а с двух сторон одного и того же ряда домов. Дома же стоят сплошной стеной. Так что переулочек Мортена Тротцига – одна из немногих "перебежек" с одной улицы на другую и фактически представляет собой каменную лестницу, зажатую с двух сторон домами. Конечно, рассказ гида, старинные фонари, ставенки на окнах Тротцига прибавляют этой лесенке романтики. В отличие от безлюдной Престгатан здесь всегда кто-нибудь да попадается навстречу. В зависимости от комплекции встречного, сосредоточенно расходимся, иногда втянув животы, а то и размазавшись по стенкам.

Однажды в российской передаче "Что? Где? Когда?" был задан такой вопрос. Почему переулочек Мортена Тротцига в Средние века очень любили мужчины и не любили их жёны?

Верный ответ оказался таким. Мужчины любили за то, что могли пропадать в питейном заведении Мортена Тротцига, сколько хотели. Их жёны не любили это злчное место, потому что у них не было возможности прийти туда и увести мужей домой по той простой причине, что не могли втиснуться в узкий переулочек из-за своих широких кринолинов.

В правильности ответа можно не сомневаться, потому что в уважаемой передаче все вопросы и ответы проходят серьёзную экспертизу. Заодно мы получаем ответ и на вопрос, чем же торговал Тротциг в своей знаменитой лавочке, позволившей сколотить состояние и стать одним из самых богатых купцов в городе. Но богатство не спасло его от преждевременной смерти. Поехав по делам своего бизнеса, Тротциг пал от рук бандитов. Теперь его имя носит не только переулочек, но и кафе на Вестерлонггтан, расположенное, как я поняла, в его бывшем доме.

Поистине, история – странная дама: одних предаёт забвению, других увековечивает абсолютно ни за что.

А дом палача я так и не сумела найти!

Рыцарский остров и рыцари

Ах, как романтично звучит: Рыцарский остров! Хотя и начало уже смеркаться, но разве можно обойти вниманием Рыцарский остров и не заглянуть туда хоть ненадолго! Хотя одним глазком взглянуть! Тем более что он совсем близко, и найти его нетрудно. Ажурный шпиль Рыцарской церкви, главной достопримечательности острова, виден издали, и я направляю свои стопы на этот ориентир.

По дороге ругаю себя за напрасно потраченное время в Королевском дворце. Ничего не зная о королевских династиях Швеции, делать в его залах было нечего. Ведь говорила же Ника, что там "нищета и убогость", и, по прошествии времени, она ничего не может вспомнить, в её памяти, якобы, сплошное серое пятно. Но разве можно было поверить столь суровому отзыву! Синдром эмигрантки – поставила я диагноз и, простояв небольшую очередь, купила билет в "King's palace".

Однако всё оказалось именно так. Ни тебе золота и блеска, ни тебе богатейшего собрания картин, как в Екатерининском или Петергофском дворцах. Кресло такого-то короля, кровать такого-то, посуда другого, причём даже битая. Тёмные мятые шпалеры, почему-то не натянутые на рамы, как в Петергофе, а свисающие, словно шторы. Платье фрейлины... хм... без комментариев. Словом, там собраны реликвии, связанные с различными королями. Но о них-то я не имела ни малейшего представления. И совсем добил меня такой невыносимый полумрак, что я, со своим почти нормальным зрением смогла прочитать не все таблички, не говоря о тех, что расположены почти на полу.

Аскетичности королевского быта я сразу же нашла оправдание: скромность, скромность и ещё раз скромность – национальная черта. Уважаю. Но крематорному полумраку – ни за что и никакого оправдания! Там даже дышать было темно!

Позже я поняла, что мне было бы интереснее в музее истории дворца "Тре Крунур". Но кто б мне это сразу сказал! И снова потянуло в королевский дворец лишь тогда, когда я немного узнала о шведской истории и деяниях её королей.

На Рыцарский остров из северной части Гамла Стан нужно всего лишь пройти по мосту. Внизу под мостом вдоль узкого проливчика мчатся по скоростной дороге на юг машины. Среди них ни одной дорогой, и поначалу это бросается в глаза. Хотя налог на роскошь в Швеции не прижился, но, видимо, играет свою роль шведский менталитет: роскошь у шведов считается неприличной. А, может быть, как-то сказываются вообще высокие налоги. Единственный джип я увидела месяца через два, да и то со словом "KAWKAZ" вместо номеров. При виде его тонированных стёкол, что совсем не принято в Швеции, у меня внутри что-то мелко и трусливо задрожало, и я поспешила с коляской подальше.

Несмотря на то, что шум машин доносится и до Рыцарского острова, однако на его мощёной булыжником площади снова появляется ощущение, что я провалилась во времени. Наверное, не в последнюю очередь, из-за её абсолютного безлюдья. Но если Престгата – улица простонародья, то Рыцарский остров аристократический, и не только по названию. Здесь отстроила свои дворцы шведская аристократия. И в окружении этих дворцов, на единственной площади Биргера Ярла, подле одной из самых древних церквей Стокгольма сами собой рисуются соответствующие картины. Вот-вот к воротам каменной ограды четвёрка лошадей, цокая копытами по обледеленному булыжнику, подвезёт карету, украшенную дворянским гербом. А в окне дворца напротив с двумя башнями под куполами-касками а-ля-Бисмарк мелькнёт усатая тень его первого владельца.

Нет, в Средние века на Рыцарском острове не проходили турниры. Его площадь не служила ристалищем. Герольды не провозглашали о начале турнира, созывая на зрелище знать

и чернь. И облачённые в доспехи рыцари, опустив забрала и пришпоривая коней, не неслись навстречу друг другу, выставив копья. И толпа не кричала, не завывала от восторга и ужаса. И дамы не кидали победителю платки и розы. Зато теперь рыцарские турниры проводятся ежегодно, но в июне.

Всё же на острове были настоящие рыцари, но то были рыцари иных эпох. И по сей день их славные имена неразрывно связаны с этим островком.

Вот, например, этот светло-серый дворец напротив, что с башнями под куполами, опять-таки похожими на шлем Бисмарка, был построен адмиралом Карлом-Густавом Врангелем на средства от военных трофеев Тридцатилетней войны. По своему расположению на площади он не имеет себе равных. Остальные дворцы расступились перед ним, словно придворные, и лепятся, теснятся по краям острова нестройной толпой. Многие из них и все вместе замечательно смотрятся с воды, особенно с Южного Города. Да, Рыцарский остров (ах, какое название!) с воды просто неотразим! И опять же, без мощных круглых башен западного фасада врангелевского дворца панорама острова сильно обеднела бы. Однако на площади Биргера Ярла дворец Врангеля прямо-таки главенствует, можно сказать, царствует.

И ведь неспроста королевский двор после пожара во дворце "Тре Крунур" разместился именно в этом здании. В нём юный Карл XII принял королевскую клятву, а затем отправился на Северную войну. И так хочется верить, что эта булыжная мостовая сохранилась из тех времён и полировалась в числе прочих и тонкими ногами Карла в длинных ботфортах, этого храброго, но безрассудного и упрямого мальчишки. Это был единственный король, о котором я что-то знала, приехав в Швецию. Но он-то как раз и не жил в новом королевском дворце, на который я так бездарно потратила время. И всю его недолгую жизнь ему было абсолютно не до постройки нового дворца взамен сгоревшего.

Как известно, Карл XII, напугав Петра Первого под Нарвой и вдохновлённый первыми ратными успехами, провёл в боях и походах долгие восемнадцать лет. Потеряв в Северной войне, главным образом с Россией, всё, что только можно было потерять, и окончательно разорив страну, безрассудный король отправился на новую войну, теперь уже с западным соседом, Норвегией, где и настигла его странная пуля со стороны собственных позиций, но подробней о загадке его смерти в другой главе.

Вот и получилось, что с 1697 года дворец Врангеля прослужил королевской резиденцией более чем столетия. Ведь и преемнику Карла XII досталось не только пепелище на месте Тре Крунур, но и разорённое войнами государство.

Теперь дворцы знати на Рыцарском острове национализированы. Как и все здания Стокгольма, они находятся в прекрасном состоянии. В них размещены государственные учреждения, а во дворце Врангеля – апелляционный суд. И все они вымерли на время рождественских каникул.

Встретить имя Врангеля в шведской столице по невежеству моему показалось удивительным. В моём русском сознании это имя ассоциируется с прозвищем "Чёрный барон" и событиями Гражданской войны. Однако при ближайшем знакомстве оказалось, что география рода Врангелей выходит далеко за границы двух стран, Швеции и России. Этот дворянский род известен с тринадцатого столетия и "наследил" с тех пор от Дании до Тихого океана.

Кому только не служили представители славного рода Врангелей: и датским, и шведским, и испанским королям, германским князьям, императору Священной Римской империи и Нидерландам. И как служили! Семеро из них получили чины фельдмаршалов, более тридцати – генералов, и ещё семь – адмиралов. Многие носили титул баронов, известны также и графы Врангели.

В Полтавской битве на поле брани осталось лежать двадцать два представителя этого славного рода, сложив головы за шведского короля.

На российской службе они появились только во время Семилетней войны при императрице Елизавете Петровне. В России они также отличились, дав восемнадцать генералов и двух адмиралов, храбро участвовавших во всех войнах российских императоров.

Имя одного из Врангелей увековечено на стене Храма Христа Спасителя в Москве в числе офицеров, раненых в Отечественной войне 1812 года. Другой потомок прославился тем, что пленил Шамиля. Имя барона Фердинанда Петровича Врангеля, адмирала, известного русского мореплавателя и полярного исследователя, носит остров Врангеля в Северном Ледовитом океане, а также другие географические объекты в Северном Ледовитом и Тихом океанах. И можно ещё перечислить много славных дел и имён рода Врангелей на российской земле.

О Петре Николаевиче Врангеле, одном из трёх вождей белого движения в годы Гражданской войны в России, написано предостаточно, теперь уже непредвзято. Помню, в детстве, играя в "войнушку", мы распевали песню о белой армии и Чёрном бароне. Чёрным бароном Врангеля прозвали за неизменную чёрную черкеску, которую он носил с 1918 года. И тем сыграл на руку красной пропаганде. Действительно, в советском фильме о Гражданской войне его образ был не просто отталкивающим, а наводил ужас на наши неокрепшие юные души. В стокгольмском дворце его предка, по утверждениям гидов, живёт привидение – Чёрная дама. Странная "перекличка". Но, возможно, это всего лишь байка для впечатлительных туристов. Как я, например. Хотя и судей в их чёрных мантиях вполне можно принять за привидения.

Что примечательно, даже памятник основателю Стокгольма Биргеру Ярлу стоит не посреди одноимённой площади, а напротив парадного входа во дворец Врангеля, стилем и цветом сочетаясь с архитектурой здания. Вот таким дворцом владели шведские представители знаменитого рода Врангелей.

Итак, упомянутый Биргер Ярл, изображённый скульптором в шлеме и кольчуге и вознесённый на высокую колонну, тоже требует к себе внимания. Риксграф Биргер имел титул "ярл", что означает "высший сановник при короле". Он происходил из знатного рода Фолькунгов и поначалу являлся всего лишь мужем сестры короля. С 1248-го по 1266 год он был и правителем Швеции, и регентом при своём малолетнем сыне.

За годы правления страной Биргер много сделал для Швеции. Он стал собирать налоги, пополнявшие казну, и на эти средства было заложено много новых городов. Именно его считают основателем Стокгольма. Правда, в то время, когда на месте рыбацкой деревушки была заложена крепость, он ещё и не родился. Но это неважно. Главное, он был первым правителем, при котором бывшая крепость упоминается в грамоте от 1252 года как город Стокгольм, и он немало сделал для его укрепления.

Важной заслугой Биргера Ярла считается издание им первых шведских законов. Король и могущественные люди страны обязаны были наказывать за преступления, например, за нападение на человека в его доме, в церкви, на народном собрании, за насилие в отношении женщины. Биргер развивал торговые связи с соседними странами и поддерживал церковь, справедливо считая её очагом грамотности. Всё сделанное им было ново и основополагающе и во многом способствовало становлению Швеции как государства. Так что его по праву называют отцом шведской государственности.

Если верить "Житиям Александра Невского", сей храбрый рыцарь бился с дружиной Александра Ярославовича на Неве в 1240-м году, где, как известно, шведское войско потерпело поражение, а русский князь за эту победу впоследствии был прозван Невским. Утверждается, что в стычке с князем Биргер был ранен в глазницу.

Из шведских источников об участии Биргера Ярла в Невской битве сообщается в "Рукописании Магнуша" – завещании шведского короля Магнуса Эрикссона. Однако шведские

историки оспаривают эти сведения, подвергая сомнению подлинность самого завещания и утверждая, что в год битвы Биргер Ярл не покидал Стокгольм.

Тем не менее, при исследовании останков Биргера Ярла в 2002 году в области его правой глазницы обнаружили следы серьёзной травмы, что перекликается с русской летописью. И по сей день историки-любители продолжают ломать копья на сём историческом ристалище.

Ну, а литератору позволительно дать волю фантазии и представить, например, какой тяжёлой оказалась для Биргера травма, не только в смысле физическом, но и моральном. Причём на фоне поражения войска.

Он стал ярлом спустя восемь лет, жестоко подавив оппозицию. Можно только догадываться, какая власть сосредоточилась в его руках и как боялось его окружение. При разговорах о Невской битве Биргер мог гневно вздёрнуть неизрубленную бровь и процедить: "К поражению в Невской битве я не имею никакого отношения. В тот год я не покидал Стокгольма. Запомните это". Ну, и кто б из современников осмелился оспаривать это! Наоборот, в угоду правителю могли спешно переписать историю. Уж как нам это знакомо! Однако не на каждый чужой роток, как известно, можно накинуть платок. Тем более что в 1240-м году на поле боя он ещё не был ярлом, и слухи о его ранении не могли не распространиться. Вот, может быть, поэтому и имеем мы разночтения той истории.

В память о Биргере Ярле шведы назвали его именем площадь на Рыцарском острове, а также великолепную улицу в центре столицы. Фасады домов с пышным декором, люксовые магазины – на улице Биргера Ярла всё самое-самое. Трудно найти ей равную в демократичном Стокгольме, ну, разве что набережную Страндвеген, но о ней будет позже.

Комета по имени Лана

Лана гостила пять дней. Я отпускала их с Никой не только в ресторан, но и в оперу, и в горы кататься на лыжах. Ника извинялась за то, что мой рабочий день получался больше восьми часов, и обещала дать кучу выходных, чисто по-шведски. Мне же не составляло труда чисто по-русски посидеть лишний часок-другой с маленькой родственницей, но и лишние выходные мне потом не помешали. Бродить по Стокгольму было безумно интересно.

Как я уже говорила, подруги встретились впервые после окончания школы. Ника разыскала Лану на "Одноклассниках".

– Я всех одноклассников приглашала к себе на Новый год, – рассказывала Ника, пока мы ещё ждали Лану, – но никто не соглашался, у всех проблемы. Все какие-то горем убитые, каждый о чём-то ноет. А когда Ланку пригласила, она откликнулась: "Нет проблем!" И вообще, она единственная, у кого по любому поводу нет проблем.

И вот наступил день отъезда. В аэропорт Лана отправилась, как белый человек, на такси. Ника не поехала провожать, чтобы не тратиться на обратную дорогу. Транспорт в Стокгольме дорогой, Ника на нём постоянно экономила. Но проезд до Орландо не просто дорогой, а очень дорогой. Лана же могла себе позволить даже такси за 490 крон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.